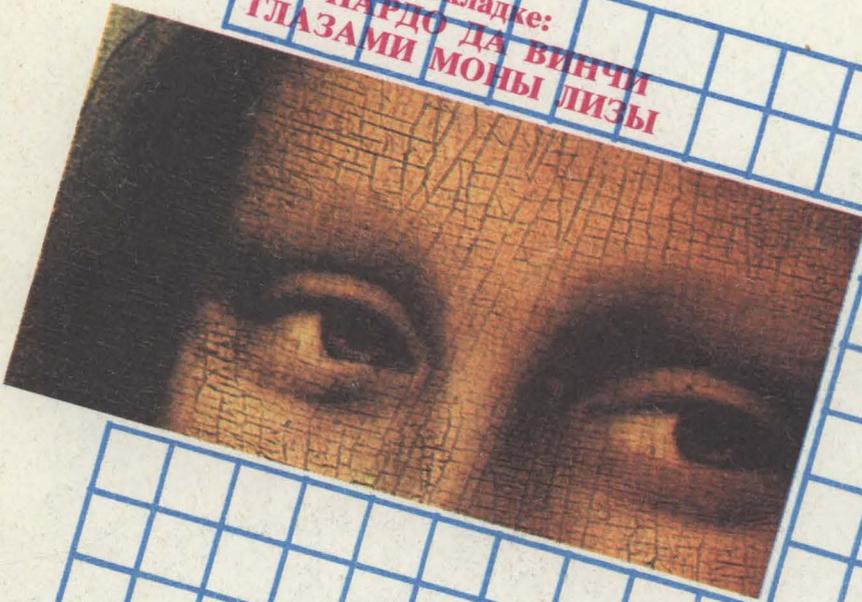

ЮНОСТЬ

Апрель
Май '92

На нашей вкладке:
ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ
ГЛАЗАМИ МОНЫ ЛИЗЫ

«ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ»
Повесть Виктора СОСНОРЫ

Роман Великого Магистра
Ордена куртуазных маньеристов
ВАДИМА СТЕПАНЦОВА

Вадим
СТЕПАНЦОВ

ОТСТОЙНИК ВЕЧНОСТИ

*Роман о рыцарях
Ордена куртуазных маньеристов,
об их забавах и увеселениях в столице
последней из великих империй,
об их исходе в чудесную страну Авалон
и о многом, многом другом*

Рисунки Юрия Петелина
Фото Леонида Шимановича

В городе Китоврасе, в месяце саврасе, в серую субботу, в соловой четверг, после сивого дождичка...

Дни кончатся, Юпитер вновь родится,
И кравчим станет снова Гаимед...
Фернандо Пессоа

КНИГА ПЕРВАЯ БИТВА РУССКИХ С КАБАРДОЙ Часть 1-я.

III MINORES aut TRES
FACIUNT CAPITULUM
(МЛАДШИЕ БОГИ, или ТРОЕ
СОСТАВЛЯЮТ КАПИТУЛ)

1. Григорьевский паралипоменон

Над Черустиными пустошами одиноко мерцала вечерняя звезда. Тишина тяжелым, плотным одеялом накрыла равнину, перелески и пригорки. Лишь иногда, как бы задыхаясь и протестуя против удушья, нервно вскрикивала выпь. Погожий и ясный день бодрым маршем уходил с подмосковных полей в сторону побежденной и расколовшейся недавно надвое, как мейсенское блюдо, Германии.

В скорбном оцепенении, глядя на мир пустыми глазами выбитых окон, стоял полуразвалившийся замок некогда богатого и славного рода Григорьевых. Земли, над которыми возвышалось сие сооружение, были пожалованы думному дьяку Калине Григорьеву Алексеем Михайловичем, царем Тишайшим, за верную службу на дипломатическом поприще. Дворец же был возведен позже, в царствование Елисавет Петровны. Николаем Абрамычем Григорьевым, вышедшим в отставку из кавалергардов в чине бригадного генерала. Псевдоготическая суровость и величественность замка вкупе с творившимися в нем буйствами и бесчинствами наводила ужас на крестьян, обитавших в сельце Нелюдимке, Григорьево тож. Едва был обнародован царский манифест от 19 февраля 1861 года, как все бывшие григорьевские крепостные разбежались кто куда. Однако ж Григорьевы продолжали жить шумно и весело вплоть до декабря 1917-го, когда матрос Иван Голова, зарезанный два года спустя казаками станицы Усть-Хоперской, вошел в малиновую гостиную и, согнав двадцатидвухлетнего Антуана Григорьева с тела очаровательной баронессы Анны Сергеевны Штецингероде, произнес исторические слова: «Слазь! Кончилось ваше время!» И тут же взгромоздился сам на место, занятое прежде Антуаном, пронзаемый восхищенными взглядами полудюжины робких пареньков из комбеда*, еще не вошедших во вкус революционной стихии и поэтому испуганно жавшихся к колоннам и бесстыдным мраморным изваяниям. Антуану удалось скрыться и пересидеть революцию и гражданку у дальней родственницы в Аткарске. Всех прочих Григорьевых смел с лица земли бешеный шквал той грозовой эпохи. Одни были задушены в застенках ЧК, другие сложили головы за белое дело, младший же брат Антуана, Алексис, не успевший получить звание мичмана в Гардемаринском корпусе, воевал за революцию на переоборудованных в военные корабли баржах Волжской красной флотилии. Сражался он храбро, получил даже именное оружие — шашку с золотым эфесом — из рук главкома Троцкого

* Явный анахронизм: комбеды были учреждены Декретом СНК полгода спустя после описываемого эпизода. (Примеч. Великого приора.)

го, а погиб совершенно по-дурацки, в начале 20-го, на Арале, от укуса гюрзы, к великой радости курбаши Ширали. Худайбергенова, уже почти было достигнута-го отрядом Алексиса.

Неизвестно, как бы сложилась судьба Антуана, если бы не образование инженера-мостостроителя, полученное им в Петербургской промышленной академии. Страна стала, кряхтя, высвобождаться из тисков разрухи, и Антуан в поисках хлеба насущного стал восстанавливать и строить мосты. Все та же всемилостивая судьба свела его с Лазарем Кагановичем, сделавшим впоследствии головокружительную карьеру и ограждавшим Антуана от кровавых лап Ягоды, Ежова и Берии. Неизвестно доподлинно, на чем зиждилась симпатия всемогущего наркома путей сообщения к дворянину-мостостроителю: то ли пленил его инженерный талант Антуана, действительно строившего много и хорошо, то ли еврей-натурщика тешила сама мысль о том, что от него, бывшего узника гетто, зависит теперь жизнь и судьба потомка одного из стариннейших русских родов и он, как всемогущий Кронион, волен покровительствовать этому новоявленному Улиссу, барахтающемуся в кровавых волнах своей фантастической и страшной эпохи, — но так или иначе, губительное дыхание Танатоса лишь едва коснулось Антона Аркадьевича Григорьева, не причинив ему никакого вреда. Более того, наркомку в середине 30-х даже удалось под видом персональной дачи вернуть Антону Аркадьевичу его родовую усадьбу, изрядно потрепанный черустинскими хлебопашцами. По окрестным деревням были отысканы остатки библиотеки и замковых интерьеров, уличенные в разбое мужики были частью расстреляны, частью сосланы в Сибирь на сроки от пятнадцати до двадцати пяти лет, спецшелоном из Москвы были присланы дорогие ткани, древесина ценных пород и вагон специалистов-арестантов, среди которых были краснодеревщики, каменщики, художники, ювелиры и даже бригада карабахских конюхов. Антон Аркадьевич отреставрировал замок, отстроил заново конюшню и амбары, восстановил дедовскую оранжерею, возвел два новых флигеля для прислуги, выпсал из-за границы саженцы ананасов и зажил на широкую ногу.

Вплоть до лета 1941 года ничто не омрачало жизнь григорьевской вотчины. Шум и веселье вновь поселились в старинном гнезде. Антон Аркадьевич уже не ездил сам, как раньше, на Турксиб или в Оршу, а вносил свой лепт в отечественное мостостроение, не покидая имения. Высокие гости не раз жаловали его своими визитами. Наезжали сюда и Лазарь Моисеевич, и всесоюзный староста Калинин, а Стас Микоян стал здесь просто своим человеком и просвтал свою черноглазую шалунью-племянницу за недоросля Андре, сына Антона Аркадьевича. Мужики, завидя пролетающие правительственные лимузины, ломали шапки и падали на колени, санные девки, спрятанные в саду, приветствовали государственных мужей народными песнями из кинофильмов «Волга-Волга», «Свинарка и пастух» и проч., на крыльце стоял сам хлебо-сол-хозяин, улыбающийся, с трубкой (по моде) в зубах, и его верная подруга Симфония Герцевна, Сима, член ВКП(б) с 1924 года, большевичка ленинского призыва. Их сын Андре подносил именитым визитерам душистый, своей выпечки, каравай с солью, быв за то неоднократно поощряем сановными похлопываниями по щекам. Григорьевский оркестр, укомплектованный врагами народа, осужденными по статье 58 п. 10, разражался «Интернационалом» с таким воодушевлением, что Борька Ильичев, директор образцово-показательного совхоза «Григорьевский», хватался за сердце и осенял себя крестным знамением. Обеды, ужины и революционные балы тянулись нескончаемой чередой, пока Гитлер, наплевав на молотовско-риббентро-

повский пакт, вероломно не вторгся в пределы Союза ССР. Зимой 1941/42 г. какой-то заблудший немецкий бомбардировщик сбросил бомбу на григорьевский замок. Старые стены уцелели, но интерьер и крыша изрядно пострадали.

Семья и часть челяди Антона Аркадьевича в начале войны благополучно эвакуировались в Ташкент, сам же Антон Аркадьевич за четыре военных года восстановил 1228 разрушенных мостов, перенес два инфаркта и умер в своей постели в московской квартире, едва дожив до залпов победного салюта. Так в очередной раз закатилась звезда семьи Григорьевых. Анастас Микоян после некоторого раздумья решил не выдавать шалунью-племянницу за Андре Григорьева, который, хотя и закончил войну в чине гвардии капитана, все же не сумел направить свои способности в нужное стране русло, а поступил на классическое отделение филологического факультета МГУ. Черустинский замок был возвращен трудовому народу, к подъездной арке прибили табличку «Охраняется государством», экс-председателя Борьку Ильичева определили сторожем и предоставили архитектурному памятнику XVIII столетия самостоятельно бороться с разрушительным действием времени.

Андрей Антонович Григорьев в 1950 году, уезжая учительствовать в город Балхаш Казахской ССР, навещал отеческие пенаты. Сердце его больно сжималось, когда глядел он на траву и кустарник, пробивающиеся из щелей все еще величественного старого замка, когда проходил он мимо поверженных ниц мраморных статуй ткачихи и колхозницы, стилизованных под Прозерпину и Цереру, мимо расколотых гранитных изваяний Генералиссимуса, изображенного в виде Ареса, и благодетеля Лазаря Моисеевича, исполненного в виде Гефеста, с молотом в руке. Седой как лунь Борька Ильичев со слезами в глазах припал к ручке молоддеватого бакалавра филологии, все еще по-гвардейски стройного и резкого в движениях. Пока верный сторож бегал в григорьевский сельмаг за водкой и балыком, отставной гвардии капитан, улегшись на койке в сторожке, неподвижным оком созерцал облупленный потолок. До поздней ночи молодой барин и его бывший бурмистр сидели, пили водку, курили, вспоминали привольное довоенное житье, войну и всех родных и близких, ушедших и выживших. На следующее утро Андрей Антонович простился с родными местами. По-отечески обняв плачущего навзрыд Борьку, он произнес: «Не горюй, старый пес! Мы еще сюда вернемся. Род Григорьевых стоял и во все века стоять будет. Мне не удастся — сын придет и возьмет то, что принадлежит нам по праву». И, развернувшись на каблуках, новоиспеченный Аристотель бодро зашагал по направлению к станции, на ходу рубя головки чертополоха и верхушки крапивы шашкой дядюшки Алексея Аркадьевича, красного гардемарина. То была единственная семейная реликвия, уцелевшая в эти тяжкие для страны годы и сохраненная верным псом Борькой.

2. Битва русских с Кабардой

В клубах табачного дыма, окруженный хмельными красотками и хохочущими шалопаями, на розовой софе, заваленной рукописями и фолиантами, с чашей пунша в руках сидел Андрей Добрынин. Младший сын знаменитого профессора, прославившегося трудами в области аграрных наук, он не иссушал себя учеными занятиями, хотя и получил приличное для своих лет и положения в обществе образование экономиста. Вместо того, чтобы посвящать досуги исследованию причин развала отечественной экономики, он весь жар своей уже не первой молодости отдавал шумным пирушкам и возвышенным беседам с друзьями и легко-

мысленными дамами, залетающими на огонек профессорской квартиры. Добрынин-отец давно уже махнул рукой на своего погрязшего в распутстве отпрыска. Старший брат Андрея, Александр, капитан речного трамвайчика, также не давал профессору повода гордиться потомством. Впрочем, Александр не является героем нашего повествования, и потому вернемся к Андрею. К моменту, о котором идет речь, ланиты Андрея покрывал изрядный румянец, вызванный, с одной стороны, обильными возлияниями, с другой же — общим накалом обстановки и вдохновляющим присутствием дам. Большой обеденный стол, накрытый на двенадцать персон, ломился от яств и напитков.

— Да, я за Советы, но без большевиков! — вопил какой-то субтильный юнец с деформированной черепной коробкой, один из тех персонажей человеческой комедии, которые приходят в приличные дома неизвестно с кем и откуда, но едят и пьют за троих и все, даже самые невинные, разговоры стремятся свести к политике.

— Без большевиков! — повторил он и с вызовом окинул взглядом собравшихся.

— А я за большевиков, — со сдержанным достоинством возразил Андрей, отхлебнув изрядную порцию пунша из чаши, сделанной в форме черепа австралопитека и инкрустированной перламутром и бирюзой. — Я за большевиков. Но без Советов.

— Но позвольте! — дернулся юнец. — Вся история человечества...

— А с... я на историю человечества, — спокойно и веско осадил юнца Андрей.

— Но опыт европейских парламентов, например, английского...

— Сунь его себе в ж..., детка, вместе с Вестминстером и Тауэром, — вновь перебил юнца Андрей и выплеснул остатки своего пунша на голову зарвавшегося борца за демократию.

Дружный хохот собравшихся показал, на чьей стороне правда. Дамы захолопали в ладоши, а джентльмены, разлив по бокалам напитки, провозгласили здравицу в честь хозяина. Униженный юнец вытер свою деформированную голову большим и грязным носовым платком и, пристыженно улыбаясь, сел на место.

— Опыт европейских парламентов, — начал Андрей после того, как все осушили свои бокалы, — говорит лишь о том, что Европа может существовать и без парламентов, без какой-либо власти вообще. Чем меньше вмешательство данного парламента в дела данной страны, тем легче и изобильнее живет страна, тем счастливее населяющие ее обитатели. Между тем как более чем семидесятилетний опыт большевистского правления в России с неумолимой ясностью доказывает, что Россия может жить лишь вопреки самому реакционному парламенту, лишь вопреки всякой, даже самой кровавой и разнузданной власти; чем сильнее сосут из нее кровь, тем светлее и радостнее ее взор, чем больше грабят ее народ, тем крепче его вера в то, что он самый богатый и самый счастливый народ в мире. Давайте спросим себя, каков итог последних прожитых нами лет? Что нам дала вся эта демократия, гласность et cetera? Нас захлестнули чувства растерянности и неверия в собственные силы. Вспомните февральскую революцию — и вам станет ясно, почему наступил Октябрь. А если нырнуть в глубь веков? Чем кончались все эти наши Вселенские соборы? Говорильней и потасовкам! Парламенты ли вернули нас в лоно цивилизованных народов? Нет! Петр, душегуб и деспот. Это он ухватил Россию за вшивую византийскую бороду и вытащил ее, упирающуюся и визжащую, из болотной жижи. А потом уж ей эту бороду сбрил и отмыл ее саму от грязи. Чем? Кровью! Россию можно отмыть от грязи только кровью. Ее собственной кровью!

Гром аплодисментов и приветственных криков заглушил последнюю фразу.

— Но, — продолжал Андрей после того, как стихли одобрительные возгласы, — леди и джентльмены, если вы думаете, что я хочу возвести большевистскую систему в перл творения, вы глубоко заблуждаетесь. Да, я за тоталитарное государство. Но тоталитаризм, не одухотворенный горним светом, уродлив, безнравствен и обречен на вырождение. Что делал Петр? Переплавлял колокола на пушки и расхищал церковную утварь. Что делал Сталин? Расхищал церковную утварь и взрывал храмы, используя полученный камень в строительстве метро и шлюзов. Екатерине Второй удалось вернуть русскому обществу религию дедов, устои которой сильно пошатнулись при Петре. Эта развратная немецкая гусыня, наспигованная просветительскими идеями, сумела выбить из голов своих подданных вольтерьянскую чепуху, усмирила взбалтывающую равенства и крови чернь, уpekла в Сибирь сифилитика Радищева и, расширяя границы державы, расчистила в русском сердце поле для новых всходов православной религии, едва не растоптанной галантным и кровавым веком. Ее внуку, Александру Благоденному, осталось лишь пожинать урожай. Казанский собор и Исаакий — это лишь видимая часть всходов, самая, так сказать, заметная. Но взлет русской литературы, взлет русской философской мысли — вот главные всходы того посева.

— Bravo! — закричал из своего угла давешний шишкоголовый юнец, пронзая Андрея восторженным взглядом. — Bravo! — повторил он и заплодировал.

— Вольно, корнет, вольно, — благосклонно улыбнулся Андрей. — Я еще не закончил свою речь. Итак, Екатерина вернула нам отнятое Петром. Кто же вернет нам отнятое Сталиным? Вы не знаете, корнет? Нет? А вы, мадам? Ну что ж, тогда позвольте мне построить еще одну риторическую фигуру: а так ли нужно, чтобы нам возвратили то, что у нас отняли? Нужна ли нам эта так называемая русская духовность, русская соборность, вся эта гнусная проповедь слюнявого всепрощенчества, когда лживые пастыри требуют весь произведенный тобой прибавочный продукт поделить между ними и кесарем? Почему целый улей должен кормить нескольких трутней? Да и мыслимо ли это — уподоблять народ улью? Это мы-то улей? Мы, гордые внуки славян, сорок раз разорявшие Царьград, помогавшие нашим братьям-викингам грабить Европу, ходившие с европейцами в походы на мавров и с маврами — на европейцев? На последнем факте прошу особенно заострить ваше внимание. В средневековых арабских хрониках мы часто можем встретить имя Ибн-Сакалаба — сын славянина — и другие имена, указывающие на славянское происхождение их носителей. О чем это говорит? О том, что наши вольнолюбивые язычники-предки очень часто находили общий язык с полуязычниками-магометанами. Молиться звездам, Востоку, целовать черный камень Каабы — разве это не прекрасней и не понятней, чем отбивать поклоны деревянным дощечкам с нарисованными на них пучеглазыми астениками, пребывающими в различных степенях физического и нервного истощения? Бог создал человека по образу и подобию своему, а не наоборот. Мусульманин слишком хорошо сознавал эту непререкаемую истину. Никогда его дерзновенная кисть не осмеливалась предать взором непередаваемое — грозный лик Божий. Не только Аллаха, но и самые творения его не смел копировать мусульманин. Изображать человека, моря, горы, фауну и флору — значит покушаться на прерогативу Творца. Электрон так же неисчерпаем, как и атом, и сколь бы точно мы ни стремились копировать сотворенное Господом, сколько бы ни пытались

корчить из себя Демиургов, мы так и останемся жалкими макаками, и наши жалкие потуги перенять отдельные жесты Верховного Существа будут вызывать у него лишь улыбку сострадания.

Андрей отхлебнул из своей сверкающей чаши и допил:

— Синтагма «улыбка сострадания» — всего лишь метафора. Метафора убогая, согласен, как убога всякая попытка персонификации и антропоморфизации несубстантивированной сущности. Таковы люди, все пытаются мерить на свой аршин. Homo sum — я тоже человек, я слаб умом и примитивен, и оперирую человеческими категориями. Мудрый Барух Спиноза однажды, отшлифовывая линзу для телескопа, заметил, что человеческая болтовня о Божем совершенстве напоминает ему рассуждения треугольников о том, что Бог имеет безупречную треугольную форму. Конечно, Спиноза многое сделал в свое время для развенчания библейских баек и потому люб моему сердцу. Но, к сожалению, этот иудей по маковку погряз в болоте атеизма. Не будем же извлекать его оттуда, но движемся дальше.

Андрей сделал еще один глоток из своего Земзема и продолжал:

— Полотна импрессионистов — это первая робкая попытка признания несостоятельности состязания с Творцом. Мазня футуристов и дадаистов — признание полного краха человека в данном состязании. Но эти признания исполнены гордыни, в них нет настоящего раскаяния. Кандинский первым из европейских живописцев простерся ниц перед Господом и сотворил кистью первый покаянный намаз. «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет — пророк его» — вот что возвещает нам абстракционизм. Заметьте, что родоначальник абстракционизма — русский.

Андрей вновь захотел приложиться к своему Земзему (так в честь священного колодца в Мекке назвал он черепообразную чашу), однако тот оказался пуст.

— Налей мне вина, пери, — обратился он к чернокудрой оливковокожей красавице по имени Зухра, влюбленно глядевшей на него весь вечер.

Но не успел он произнести последнее слово, как шишкоголовый юнец поспешил исполнить его желание. Мгновение — и бутылка мадеры повисла в воздухе над Земземом, и темно-золотая струя весело залокотала в чаше. Однако юнец был так неловок, что забрызгал мадерой пальцы Андрея. Андрей с неудовольствием посмотрел сначала на пальцы, затем на оплошавшего ганимеда. Тот, как подкошенный, пал перед Андреем на колени и подставил ему свою шишковатую голову с короткими курчавящимися волосами. Андрей дал сначала юнцу облизать забрызганные пальцы, затем вытер их о темно-рыжее мочало, произраставшее на деформированной голове.

— Разлей вино по бокалам, мой славный сак, — обратился он к просиявшему юнцу, который, казалось, всю жизнь совмещал роли виночерпия и мальчика для утирки.

— А вот, кстати, о вине, — раздался голос из дальнего угла.

Обладателем голоса был Лёдик Воробьев, известный карточный шулер, который, чувствуя, что разговор уходит в метафизические дебри, стал опасаться за судьбу обещанного на сегодня преферанса. Под столом Лёдик нервно тасовал колоду карт, при этом то и дело толкая локтем соседку слева, пышнотелую зеленоглазую блондинку. Блондинка отвечала, в свою очередь, тайным пожатием ноги, давая тем самым понять, что Лёдик ей не неприятен. Однако Лёдик, занятый своими мыслями, никак не замечал ее настоячивых манипуляций.

— Ты, как я понимаю, — продолжал Лёдик, — хочешь обратить нас в лоно ислама, так?

— Да, пафос моей речи сводится именно к этому, — отвечал чайльд Добрынин.

— А какого ж тогда хрена ты тут вместе с нами портуху квасишь? — Лёдик широким жестом обвел уставленный бутылками стол, при этом выронив из рукава бубновый туз. — Ведь Аллах запрещает пить вино.

Последняя фраза вызвала широкую ухмылку на лице Андрея. Надолго прикинув к своей до краев наполненной мадерой чаше, он глубоко вздохнул, сплюнул в стоявшую рядом серебряную плевательницу, затем окунул туда палец и поднял его вверх. Шишкоголовый юнец, неправильно истолковав это движение, подставил Андрею свою гадкую шевелюру, но, получив пинок в грудь, тут же отлетел к ролю, и, больно ударившись об одну из ножек, вскрикнул и затих. Андрей же, окинув сверкающим взором честную компанию, возвел очи горе и заговорил:

— Если бы из Кавсерского источника, что пробивается под сенью райского вертограда, вытекала вода, жизнь праведников, принимающих к его струям, была бы слишком пресна.

**В глуби небес — бокал, невидимый для глаз;
Он уготован там для каждого из нас...**

Так говорил славный Хайям. И у меня нет оснований ему не верить. А как же, возрадите вы мне, райские гурии, «подобные жемчугу хранимому», эти «полногрудые сверстницы с потупленными взорами»? Разве их любовь не пьянит на том свете мужей праведных? Вероятно, пьянит. Но подумайте, милостивые государыни и в особенности милостивые государи: можно ли весь свой досуг, все свободные часы проводить у ног возлюбленной девы? Всякий, имеющий опыт в делах любовных, ответит вам: нет, нет и нет. Сколь бы ни была любима вами избранница вашего сердца, дух ваш все же будет неустанно стремиться к дружеской беседе за чашей благословенной влаги, будоражащей кровь и шлифующей мысли. Но отвлечемся от проблем загробного бытия и вернемся на землю. Правоверный, укравшись от взоров Аллаха под надежной кровлей, может иногда побаловать себя влагой райских источников, не опасаясь гнева небес. Не процесс питья оскорбителен для Всевышнего, но то скотское состояние, в которое вино повергает иных невоздержанных мусульман. Так не будем же мозолить глаза Аллаху, вываливаясь на улицу в непотребном виде и учиняя пьяные бесчинства. Предадимся тихим радостям рая на этих ста семидесяти пяти квадратных метрах, не боясь ответа перед Господом, ибо

**Все, что будет: и зло и добро — пополам
Предписал нам заранее вечный калам.
Каждый шаг предначертан в небесных скрижалях.
Нет у смысла страдать и печалиться нам.**

Едва хозяин закончил четверостишие, джентльмены разразились одобрительными криками под перезвон хрустальных бокалов. Дамы же в большинстве своем озабоченно притихли, как бы обдумывая, что последует за сказанным и как им себя в дальнейшем вести. Одна лишь красавица Зухра продолжала влюбленно смотреть на Андрея, вцепившись в ручки кресел. Андрей ухватил ее за запястье и властно привлек к себе. Тонко и покорно звякнули браслеты работы текинских мастеров — настоящее серебряное кружево, украшенное лалами. Черная шелковая блузка Зухры удивительно хорошо оттеняла фисташкового цвета сорочку Андрея и его прозрачные холодные глаза. Пристроив девушку поудобнее у себя на коленях, сей новоявленный суфий вновь завладел всеобщим вниманием.

— Европейское искусство всегда черпало темы и образы из окружающей действительности, даже если

предметом его отображения был тот или иной миф. Да, всякое искусство стремится творить идеал, но европейское искусство продуцирует идеальное из реального. Европейец видит в скульптурах и на полотнах нечто, очень похожее на действительность, но эта действительность рафинированная, очищенная от шелухи обыденности. Практический разум пытается отвлечь взоры индивида от этой псевдодействительности, но сердце, вечно жаждущее праздника, карнавала, вновь и вновь ищет встречи с миром прекрасных иллюзий. В сознании европейца происходит незаметная переориентация, когда мир воображаемый становится для него миром действительным, а мир действительный — непонятной обузой, досадным недоразумением, с которым приходится мириться. По мере того как растет благосостояние европейских, точнее, христианских, народов, вышеозначенная переориентация захватывает все более и более широкие слои общества, уже не могущего противостоять разлагающему действию идеальной реальности. Говоря словами Уайльда, жизнь начинает подражать искусству. Но искусство европейцев, рожденное действительностью, не может быть величиной абсолютной и независимой. Ему постоянно приходится что-нибудь подворовывать у своей простоватой матушки, иначе оно прослышет банкротом. Действительность тоже не остается в долгу и обирает свое чадо как только может. В результате получается замкнутый круг, порочный, если хотите, круг, внутри которого в отчаянии мечется «бедное эго» европейца. Падение жизненной активности христианских народов, которое мы наблюдаем в последнее время, обусловлено массовой переориентацией на «идеальное реальное», которая, в свою очередь, обусловлена ростом благосостояния и увеличением так называемых культурных досугов индивида.

В этот момент красавица Зухра тихонько застонала, ибо речи Андрея производили на нее экзотическое действие. Андрей поглядел ее длинную породистую ногу, упакованную в черный крапчатый чулок, и запечатлел сочный поцелуй у начала ложбинки, разделявшей два восхитительных смуглых плода, грозивших выкатиться, из-под черной декольтированной блузки. Вслед за тем раздался еще один стон — из угла, в котором стоял рояль. Это мучительно возвращался к жизни шишкоголовый ганимед. Андрей взял со стола недоеденную грушу и резко запустил ее по направлению к роялю. Раздался шлепок — и стон затих.

— Напротыв того, — возобновил свой монолог Андреем, поигрывая смоляными локонами Зухры, — в мировоззрении мусульманина между идеальным и реальным всегда существовал четкий водораздел. Сколь бы ни стремилась мысль правоверного в область возвышенного, идеального, она никогда при этом не обретала материальных форм. — Андрей взял в руки томик, покоившийся дотоле на софе рядом с ним, и продолжал: — Вот, послушайте, что писал Ибн-Сина в знаменитой «Книге спасения»: «Что касается умозрительной силы, то ей свойственно получать впечатления от всеобщих, отвлеченных от материи форм. Если последние будут отвлеченными сами по себе, то она будет просто принимать их, а если нет, то она будет их абстрагировать, дабы у них не осталось никакой связи с материей». Никакой связи с материей! — громогласно повторил Андрей и так крепко стукнул о стол Земземом, что у последнего выскочил бирюзовый глаз и упал прямо в бокал Лёдика Воробьева. Лёдик, по примеру древневосточных мародеров, тут же проглотил свалившуюся на него драгоценность вместе с остатками шампанского и сделал вид, что ничего не произошло. Пышнотелая блондинка подозрительно посмотрела на Лёдика и отодвинулась. Андрей отложил книгу и продолжал:

— Умозрительная сила, как утверждает Ибн-Сина,

есть высшая способность человеческого познания Бога и мира, и поэтому абстракции, лишённые материальной чувственной оболочки, суть высшая форма знания, и поэтому духовный взор человека должен быть отвращен от «грубой» материальной действительности, от конкретных материальных предметов и явлений. Но пусть духовный взор устремляется себе в эмпиреи, пытаясь постичь «и'джаз» — неподражаемое совершенство, отраженное в сурах Корана. Страстная натура мусульманина, захлестываемая волнами стихийной чувственности, умеет искать и находить прекрасное в жизни. Мусульманин умеет наслаждаться «объективной реальностью, данной нам в ощущении». Жадно и хищно овладевает он всем, что может ухватить его рука. Европейец не умеет наслаждаться любовью юной девы с такой нежностью и пылом, как мусульманин. Европейец, находясь в разлуке с предметом своих чувств, воскрешает в памяти мгновения, проведенные наедине с милой. Мусульманин не умеет тешить себя тем, чего нет. Когда он остается один, любовь его обращается в чистую идею, в печаль, которую невозможно утолить бесплотными воспоминаниями и фантазиями. Но зато как пылок, как неистов он, когда возлюбленная рядом, когда ее рубиновые уста и дыхание розы касаются его щек, когда ее огромные черные глаза увлажнены светлой слезой радости, а полная грудь подрагивает в такт ударам сердца, напоминающим о неумолимом беге времени... Зухра, раскрой мне свои объятия!

Обалдевшей от любви красавице Зухре не нужно было повторять дважды. Призыв Андрея нашел мгновенный отклик в ее жарком и доверчивом восточном сердце. Она мигом обвилась вокруг своего повелителя, как омела вокруг падубы, покрывая его лицо, шею и грудь бесчисленными поцелуями.

Вдруг Андрей резко встал. Сброшенная им с колен Зухра едва удержала равновесие. Взгляд ее выражал испуг и недоумение. «О мой властелин, — казалось, говорил (нет, пел!) он, — чем я тебя прогневала?»

— Вина! — рывкнул не терпящий неповиновения сын профессора.

Несколько услужливых рук тут же поспешили наполнить Земзем напитками. Движением, исполненным непередаваемой восточной грации, где робость лани смешана с полетом пера, Зухра поднесла Андрею череп, до краев наполненный коктейлем из отборных вин. Андрей обеими руками принял чашу, приник к ней и долгим глотком осушил до дна. Сделав последнее поршневое движение кадыком, он бросил опустошенный череп через левое плечо и впился тяжелым взглядом в Зухру. Череп, прогромыхав, закатился под ореховый шкаф, в котором тонко задрезбжала серебряная посуда и кузнцовский фарфор. В зале на несколько секунд воцарилась напряженная тишина, которую внезапно прорезал треск разрываемой шелковой ткани. Это обезумевший от количества выпитого и чувства собственной безнаказанности Андрей рвал в клочья вечерний туалет красавицы Зухры, новогодний подарок ее папы, директора крупного ташкентского универсама. Девушка безропотно терпела оскорбительные для ее чести действия Андрея, этого страшного человека, которому она отдала свое сердце. Пока только сердце. Наконец она осталась в одних лишь туфельках и узеньком черном бюстгальтере, едва прикрывавшем ее тугую грудь. Да печально позвякивали текинские браслеты на ее смуглых запястьях, в то время как распоясавшийся адепт ислама пытался справиться с застежками бюстгальтера. Вся остальная одежда — в том числе и кружевные шелковые трусики, — разорванная в клочья, сиротливо лежала у ее стройных тонких ног. Однако безрезультатная борьба с последним интимным элементом облачения бедняжки Зухры вывела Андрея из себя. Взревев, как мазан-

даранский тигр, он кинулся к настенному ковру, украшенному холодным оружием, и сорвал с него шашку с золотым эфесом. Густо захохотав, он обвел залу мутным блуждающим взглядом. Гости содрогнулись. Это был взгляд убийцы, способного на самые разнуданные и жестокие зверства, взгляд, леденящий кровь и парализующий волю. Тяжелой поступью подойдя к Зухре, он взмахом клинка перерубил замысловатое произведение французских галантерейщиков, разрешив свои затруднения так же, как две тысячи с лишним лет назад разрешил их Искандер, попавший в аналогичную ситуацию. Удар пришелся точно между чашечек бюстгальтера. Взорам присутствующих открылась золотистая, тугая и полная, очаровательной формы грудь, во впадине которой выступила, набухая все более и более, капелька темно-алой крови. Схватив несчастную деваушку за волосы, потерявший человеческий облик сын профессора потащил ее к роялю и распростер ее смуглое тело на черной полированной крышке. Затем он несколько раз ткнул острием сабли в задницу все еще валявшегося под инструментом бесчувственного ганимеда.

— Встань, мой верный саки, встань, о лучший из виночерпиев, когда-либо разливавших по кубкам златоцветную влагу! Тебя ожидает великая награда за праведную службу и перенесенные невзгоды.

И, схватив юнца за шиворот, Андрей резким рывком поставил его на ноги. Ничего не понимающий юнец только дико тарачил глаза.

— Раздевайся,— приказал Андрей.

Юнец повиновался.

— Дамы и господа,— провозгласил Андрей.— Сейчас вы станете свидетелями удивительной сцены. Перед вами цветущий, благоухающий, совершенный в своей живой красоте Восток,— он погладил живот покорно лежавшей на рояле Зухры,— и шишкоголовый вырождающийся Запад.— Андрей потрепал рыжую мочалкообразную шевелюру затравленного ганимеда, и тот подобострастно захихикал.— Как тебя зовут, фаранг?

— Толик,— ответил юнец и снова хихикнул.

— Толик,— презрительно произнес Андрей.— Мне не нравится имя «Толик». Отныне для простоты я буду звать тебя Теофраст. Tu Theophrastus eris. Итак, дамы и господа, сейчас вы увидите аллeгорию, олицетворение того, что происходит в нашем спятившем с ума подлунном мире. Сейчас Теофраст вскарабкается на фортепьяно и покроет цветущее, стройное, источающее пряный и нежный аромат тело Зухры своим тщедушным, перекошенным остовом, обтянутым пористой, испещренной фурункулами кожей. Его бледные тонкие губы будут искать сочных, полных губ Зухры, вымогая у них поцелуй. Его кривенькие, порченые зубки будут покусывать плечи, грудь и мочки ушей Зухры в тщетных попытках их хозяина возбудить в деве огонь ответной страсти. Не так ли, господа, тщедушный, хилый Запад покрывает ныне величественный, упоенный солнцем и полный жизненных соков Восток, понуждая его исполнять свои вялые грязные прихоти? Что происходит, спрашиваю я? Неужели Аллах отвернулся от правдивных? Или таково предначертание небесных скрижалей? Мой разум слишком слаб, чтобы найти ответ на раздражающие его страшные вопросы. Смелее же, Теофраст, спеши вложить персты в мои язвы! Сверши свое черное дело и дай мне упиться моим горем.

3. Григорьевский паралипоменон

(окончание)

Андрей Антонович Григорьев по прибытии в город Балхаш КазССР зажил жизнью одинокого сельского

сквайра. Школа не отнимала у него слишком много сил и энергии. Его ученики, перенесшие тяготы и лишения военных лет, были в основном народ квелый и смиренный. Исключение составляли лишь юные чеченцы и балкарцы, сосланные в Казахстан вместе со своими старшими соплеменниками, чем-то не потрафившими Отцу Всех Народов. Время от времени эти желторотые потомки соратников Шамиля делали попытки убежать из отведенных им резерваций на родину предков, в Кавказские горы. Но их отлавливали, снимали с товарняков, судили и отправляли на разные сроки туда, куда Макар телят не гонял. Так что со школой у Андрея Антоновича хлопот становилось все меньше и меньше.

Наступил 1953 год. 5 марта вся страна содрогнулась, узнав о смерти Сталина. Вечером того дня Андрей Антонович, запершись в своей холостяцкой комнатке, в одиночку вылакал две бутылки водки. Равовался ли он смерти деспота или, наоборот, горевал о кончине Великого Вождя — осталось для истории тайной. Никогда впоследствии он не обнаруживал своих чувств по отношению к памяти Генералиссимуса. Летом 1953 года в казахстанских степях начали пошаливать уголовнички, амнистированные товарищем Л. П. Берия. Стали волноваться и сосланные кавказцы. В числе прочих фронтовиков-партийцев. ОблЧК* мобилизовала Андрея Антоновича на борьбу с бандитизмом, каковая борьба отняла у него без малого три года.

Во второй раз распрощавшись с мундиром и погонями, Андрей Антонович стал подумывать о возвращении в Москву. Однако матушка его, Симфония Герцевна, в 1950 году, напуганная размахом кампании против безродных космополитов, спятила с ума, а в 1954-м, будучи пациенткой больницы им. Кашенко, почила в бозе со словами «элохй, ламма шебактаний» на устах. Их роскошную квартиру на улице Грановского отдали другим людям, имущество описали и увезли непонятно куда. Случайно приехавший на разоренное место Борька Ильичев сумел спасти лишь папенкин портрет. Портрет он переслал в Балхаш Андрею Антоновичу вместе с слезным письмом, в котором сообщал о случившемся. Бандероль с письмом и портретом Андрей Антонович получил лишь через четыре месяца по отправлении, когда вернулся из затянувшегося степного рейда. Исправлять что-либо было уже поздно. Андрей Антонович накопил водки, огурцов и икры, водившейся тогда во всех магазинах, и устроил одинокие поминки. Цедя сквозь зубы теплую, противную водку, он смотрел на фотографию отца, облаченного в мундир генерал-лейтенанта железнодорожных войск. Отец смотрел на него с легким грустным прищуром. «Как-нибудь я прожил,— казалось, говорил отцов взгляд,— и ты проживи как-нибудь».

Итак, после демобилизации из войск МВД СССР Андрей Григорьев стал подумывать о кандидатской диссертации, которая позволила бы ему продолжить учебу в столице и в конце концов закрепиться там. Он даже придумал подходящую тему: «Классическое койне эпохи эллинизма и его влияние на ионийские диалекты». Тут, однако, на беду, ему повстречалась Оленька Лыткарева, молоденькая учительница биологии, ставшая сначала его невестой, а затем и женой. Поседевший в боях с немцами и бандами уголовников эллинист совсем потерял голову от любви. Он носил Оленьку на руках, слагал к ее точеным ножкам охапки маков и саранок, набранных в окрестных полях, катал ее на катере по озерной глади, привозил из Караганды шампанское ящиками и совершал прочие безумства, на которые местная общественность смотрела с неодобрением. «Мы поедем в Москву,— говорил он своей молоденькой жене,— там Красная площадь, Большой

* Опять анахронизм. (Примеч. Великого приора.)

театр и Третьяковская галерея!» Но Оленька упорно отказывалась куда-либо ехать, связанная по рукам и ногам больной мамой и сестренкой-подростком. Андрей Антонович махнул рукой на классическое койне и построил домик на берегу красивейшего из земных озер. По вечерам он сидел в кресле-качалке, глядя на простирившиеся перед его взором водные глади, и ему казалось, что само Эгейское море тихо ластится к столь любезному его сердцу берегу Эллады.

Год шел за годом, Оленькина сестренка Галя выросла и вышла замуж, а больная мама умерла, так и не дождавшись внуков. После того как слетал в космос Юстиниан Тигарин, Андрей Антонович забеспокоился. Наступила новая эра, эра космических полетов и разрядки международной напряженности, а наследника у него все еще не было. «Неужели заглохнет древо Григорьевых, — думал он, вдыхая горький дым сигарет «Прима», — неужели оборвется нить, протянутая через века?» Андрей Антонович, ставший уже директором школы, куда только не возил жену, каким только врачам ее не показывал! Но ни в Караганде, ни в Алма-Ате, ни в самой в Москве, где они провели целую неделю, ни один специалист не сказал им ничего обнадеживающего. Замотанный, доведенный до отчаяния бессилием медицины, Григорьев, ошалевший от беготни по разросшейся и полузабытой им столице, не успел даже навеститься в родные Черустиинские пустоши. По возвращении из Москвы в Балхаш он запил и стал поколачивать жену. Оленьку — теперь уже Ольгу Трофимовну — горожане не раз видели бегущей прочь из дома, растрепанную, всю в кровавых ссадинах и синяках. Районо сделало Андрею Антоновичу предупреждение, но он продолжал вести себя по-прежнему. Его вызывали в райком партии, но и это не помогло. Отцы города задумались. Директор школы в таком поселении, как Балхаш, — фигура видная. Ладно бы был он начальником автоколонны или директором хлебозавода — пей, дерись сколько влезет! Но ведь педагог! Не приведи Господи, дойдет до области, будет им всем ха-ароший сиким-башка. Стали готовить бумагу в Джезказган, где, в подробностях описав происходящее, спрашивали инструкций на предмет обуздания не в меру взбрыкивающего Хирона. И вдруг все прекратилось. Хулиганствующий пьяница-директор вновь стал примерным мужем и образцовым гражданином, приступил разболтавшийся было персонал школы и пришел с покаянным словом в райком партии, каковое слово было принято, ко всеобщему удовольствию.

Причиной происшедшей перемены был старик суфий, к которому Андрея Антоновича направила бабка Маланья, школьная уборщица, остро переживавшая разлад в семье Григорьевых. Она показала директору тропинку в горах, ведущую к обиталищу мудрого отшельника, посвятившего свои досуги изучению Корана, собиранию целебных трав и наблюдениям за светилami. Простой народ, в особенности казахи, часто пользовался услугами доброго суфия, о чем нетрудно было догадаться, глядя на утоптанную множеством ног и ослиных копыт тропу. Пройдя по тропе километров пятнадцать, Андрей Антонович увидел вход в пещерку, над которым был укреплен навес из каких-то прутьев и камыша. Под навесом сидел маленький, морщинистый, усохший старичок в с льном полосатом чапане. Старичок смотрел неподвижным раскосым взглядом в какую-то непонятную даль, скрывающуюся за горизонтом. Его коричневые, заскорузлые руки медленно перебирали костяные четки, ветер развеивал его длинную белую бороду. Чалма из ветхой зеленой ткани венчала голову отшельника.

— С лам алейкум, Андрон Ибн-Антон, — проговорил отшельник, когда заслуженный педагог приблизился к нему на достаточное расстояние.

— Ты знаешь, как меня зовут? — удивился Андрей Антонович.

— Моя все знает, моя мудрый очень, — усмехнулся старичок в белую бороду.

— Хм, — произнес Андрей Антонович, не ожидавший такой внезапной саморекламы. — А тебя как звать-величать прикажешь?

— Моя нет имени, — отозвался суфий. — Когда живешь один в горах и нет больше люди вокруг — зачем имя? Имя нужен, чтобы не перепутать тебя с другой человек, когда рядом много-много люди.

— Справедливо, — заметил Андрей Антонович.

— Моя имел имя, когда был молодой и ходил в Мекка. После — ушел в горы, стал думать много. Здесь зачем имя? Кто приходит — зовет моя «хаджи».

Старик снял чалму, плюнул на ладонь и провел ею по редкой седой щетине, произрастающей на его мурдой голове.

— Хаджи-ака... — начал было объясняться директор, но суфий тут же махнул рукой, прерывая его объяснение.

— Моя знает, моя все знает. Твоя говорить не надо, моя говорить надо.

Старик водрузил чалму обратно на голову, засунул руку в карман своего засаленного чапана и выгреб на ладонь какой-то мусор: песок, шелуху от семечек, гнутые ржавые гвоздики и прочую дрянь. Склонив голову, он произнес над мусором что-то вроде «валла-халабала» и стал пересыпать его из ладони в ладонь. Ветер носил песчинки, рыбную чешую и разную шелуху в сторону, пока на ладони у старика не осталось два пшеничных зернышка и три ржавых гвоздика. Гвоздики старец положил обратно в карман, на зернышки же плюнул трижды, потер их между ладонями и произнес:

— В ночь перед праздником ураза-байрам, в последнюю ночь уразы, дай съесть одно из этих зернышек жене, другое съешь сам.

Старец протянул ладонь Андрею Антоновичу. Тот кинулся забирать зернышки, даже не успев сообразить, что у отшельника напрочь пропал акцент.

— А что потом? — лихорадочно спросил Андрей Антонович, забыв даже поблагодарить старца.

— А потом влупи ей по самые печенки! — сказал старец и мелко, дробно засмеялся. — Коммунисты хреновы, размножаться — и то не умеют, — добавил он и медленно растворился в воздухе.

И пока обалдевший директор хлопал глазами, до него откуда-то сверху, с откоса, донесся ехидный голос старца:

— А еще из дворян!

Андрей Антонович нервно перекрестился левой рукой и, зажав в правой драгоценные зернышки, пустился со всех ног по направлению к городу.

Прибежав домой, он бросился на кровать и проспал трое суток кряду, не раздеваясь и не разжимая ладони. Когда же наступила ночь перед ураза-байрамом, он дал съесть одно зернышко жене, другое съел сам, а также исполнил последнюю инструкцию мудрого отшельника. Радости четы Григорьевых не было предела, когда в положенный срок в их доме на свет появился рыжий карапуз, которого нарекли Константином.

Шел 1968 год. Советские и гэдээровские воины-интернационалисты честно исполняли свой интернациональный долг в братской Чехословакии, в то время как Запад сотрясали волны студенческой революции.

4. Битва русских с Кабардой

(продолжение)

У рояля, на оттоманке, обитой серебряной парчой, сидел Андрей Добрынин, мрачно опершись подбород-

ком о золотой эфес воткнутой в пол шашки. Налитыми кровью глазами исподлобья наблюдал он, как третья прыщавый юнец о круглое бедро Зухры, пытаясь возбудить в себе прилив приапических сил. Когда же манипуляции Теофраста, казалось, возымели желаемый эффект и он совсем уже было собрался взлечь на роскошное золотое тело красавицы Зухры, в воздухе вдруг просвистело лассо, петля которого мертвой хваткой впиалась в горло незадачливого эфеба. Андрей — а это именно он бросил невесту откуда появившееся у него лассо — резким движением сорвал Теофраста с рояля и, сматывая в кольца жесткий волосяной жгут, подтащил к себе свою посиневшую жертву. Сняв петлю с Теофрастовой шеи, Андрей попытался влить в горло бедняге порцию бананового ликера, что ему удалось не без труда. Теофраст закашлялся, зашевелился и захлопал глазами. Видя, что жизнь его ганимеда уже вне опасности, Андрей обратил взор на красавицу Зухру. Та, зябко ежась, пыталась слезть с рояля.

— Зухра, оставайся на месте! — приказал суровый сын профессора.

— Мне холодно, — тихонько пожаловалась девушка и заплакала.

— На вот, возьми пока, — недовольно прорычал Андрей и бросил ей мохнатый шотландский плед.

Притихшие гости замерли в напряжении, ожидая, что же будет дальше.

Сын профессора подошел к фортепьяно и, покрутившись на вертящемся табурете, коснулся клавиатуры. Под его пальцами рождалась какая-то странная, цепенящая, потусторонняя музыка. Казалось, это разговаривают звезды. Закрытая крышка рояля, на которой сидела онемевшая Зухра, мешала звукам изливаться свободно, но тем сильнее был эффект. Слушать эту музыку было все равно, что смотреть на запертого в бутылке джинна: хочется сорвать печать и выпустить его на волю, но страшно, страшно, страшно... Вдруг, оборвав мелодию на середине самого умопомрачительного пассажа, Андрей вскочил и ударил по клавишам кулаком. Рояль глухо взвыл, раздался звук, похожий на визг и хрипы убиваемой лопатой собаки. Зухра хлопнулась в обморок.

— Я спрашиваю вас! — завопил Андрей так, что задребезжали рюмки и оконные стекла. — Почему этот идиот Владимир навязал нам христианство?! «Из Назарета может ли быть что доброе?» — спрашиваю я вслед за апостолом Нафанаилом, уловленным липкою сетью назарейского рыбака. Зачем нам, гордым венедам, нужна была религия римских рабов? Или мало разорили мы храмов в Царьграде? Или мало удобряли мы поля Византии кровью ее обитателей? Зачем, низринув древние перуны, Владимир вкопал крест в наши капища? Таков был поступательный ход исторического прогресса, скажете вы? Нет! Этот крест, камнем повисший на шею России, повлек ее на дно времен, в первобытную муть. Два с половиной века христианства ослабили наш воинский дух, превратили нас в рабов, в скот, который без труда достался ордам монгольских кочевников. Следующие два с половиной века они резали нас и сосали нашу кровь, пока высосанная кровь не превратила в рабов самих кровопийц. И когда обезумевшая, изможденная Русь, забыв постулат о левой щеке, ринулась топтать своих мучителей, они, уже утратившие свою звериную ярость, но не успевшие еще впитать одухотворяющих идей ислама, сложили свои бунчуки к ее стопам. И Русь, созданная для того, чтобы завоевать весь мир и повелевать всем миром, навсегда возненавидела ислам. Почему Владимир не поставил своих подданных под зеленые знамена? Почему серебряный полумесяц не воссиял над нашими обритыми головами? Ведь

тогда, вдохновленные учением пророка, мы бы с легкостью отразили монголо-татарские полчища и, поставив их в вассальную зависимость, вместе с ними покорили бы всю Европу, Азию и Африку. Вся земля покрылась бы минаретами, устремленными, как ракеты, к луне, в космос. Над миром не смолкали бы песни муэдзинов, их голоса летели бы от мечети к мечети, с востока на запад, вслед за ходом солнца. Все расы и народности слились бы в единый, страстный и жизнелюбивый мусульманский народ, народ, в котором каждый индивидуум в разгаре самых острых, изысканных,пряно-чувственных наслаждений тосковал бы о свидании с Предвечным...

Сказавши эти слова, Андрей сбросил с себя тесные европейские одежды и остался наг, как Адам до грехопадения. И, хотя свирепые черты его лица не отличались парфюмерной правильностью, все увидели, что телом Андрей строен, крепок и ладен, а древние боги плодородия не оставили его своими милостями. Вспрыгнув на рояль, он жадно и хищно припал к губам Зухры, чем вывел бедняжку из состояния обморока. Несмотря на то, что сия жемчужина Востока была изрядно напугана обрушившимися на ее чудную головку испытаниями, близость обожаемого мучителя наполнила ее тело сладостным трепетом.

— Пери, позволь сорвать мне эту розу, — проговорил Андрей, зажав левый сосок Зухры большим и указательным пальцами. Он потянул сосок на себя, и девушка, покорная манию его руки, приподнялась и упала ему на грудь.

— Да, возлюбленный властелин мой, рви, сорви все розы в моем саду, — прошептала Зухра, запрокидывая голову и запуская свои тонкие, униженные перстнями пальцы в волосы Андрея.

И тут его волосы отделились от головы и упали на пол. Обнажился выбритый до зеркального блеска череп. Зухра вскрикнула от неожиданности и бросила взгляд под рояль. На полу лежал парик. Из-за стола раздался нестройный вой. Это в унисон заголосили зеленоглазая блондинка и Лёдик Воробьев. Андрей недовольно обернулся в их сторону. Когда его сумрачный взгляд остановился на Лёдике, тот завопил еще пуще. Остальные гости сидели в оцепенении. Андрей сплюнул в сторону, встал, перепрыгнул с рояля на стол и, наступая босыми ногами на салаты и трещающие бокалы, подошел к разнервничавшемуся шулеру.

— Отдай глаз, собака, — сказал Андрей и двинул Лёдику в морду ступней, из которой обильно сочилась кровь.

Лёдик, едва удержавший равновесие, завыл с новой силой. Тогда Андрей вцепился ему в горло и проговорил:

— Отдай, гадина, глаз, который ты проглотил.

— Не глотал! — прохрипел ничего не соображающий Лёдик.

— Отдай глаз, — настаивал Андрей, все туже и туже смыкая пальцы на горле мошенника. — Отдай мне глаз из моего черепа.

Лёдик, со страху не поняв, что речь идет о Земземе, попытался вцепиться в глаз Андрея. Сын профессора, взревев, как Полифем, искалеченный Одиссеем, схватил со стола нож и занес его над Лёдиком, вознамерившись, в свою очередь, выковырять глаз этому бесчестному человеку.

Внезапно в квартире раздался звонок. Звонили в дверь.

5. Пеленяграгиография

Виктор Пеленягрэ мечтал о подвиге. Он мечтал о нем всю свою сознательную жизнь. Шестилетним

ребенком он случайно подслушал разговор своей матери с одной красивой тетей, из которого узнал, что его номинальный папа, может быть, вовсе и не его папа, а настоящий его папа — это скорее всего космонавт Юстиниан Тигарин, покоривший безвоздушные пространства через два года после знакомства с виновницей витинового рождения. Чувство обиды за папу — спивающегося колхозного счетовода, — на мгновение вспыхнувшее в душе Вити, было тут же вытеснено чувством сатанинской гордости, проистекавшим от сознания собственной причастности, пусть и косвенной, к основным вехам истории человечества. Роясь в кипе газет, сваленных на чердаке их мазанного глиной домика, он отыскивал портреты Юстиниана Тигарина и подолгу, благоговейно и трепетно смотрел на них, впитывая в себя каждую черточку открытого, простого и мужественного лица своего предполагаемого родителя. В шуме ветра, играющего с метелками кукурузы на их маленьком семейном поле, чудился ему рев ракетных сопел. Доносившийся с улицы скрип колодезного журавля казался ему скрежетом метеорита, раздирающего обшивку космолета. По ночам он забирался на верхушку старого орехового дерева, росшего в их саду, и подолгу смотрел на крупные, величественные голубиные яйца, южные звезды. Одна из таких вигилей едва не стоила ему жизни. Витя, не удержав равновесия, свалился с высоты наземь, и если бы не гусиная пара, избравшая подножие ореха местом для ночлега, быть бы мальчику инвалидом детства, а то и хуже. Однако гуси, спасшие некогда Рим, спасли и маленького потомка римских легионеров, обосновавшихся на землях скифов и гетов. Зашибленные ударом витинового тела, гуси не успели даже вякнуть — столь мгновенным был их переход в состояние неживой материи. А юный Пеленягрэ с тех пор навсегда охладил к ракетам, космосу и всему отряду космонавтов, включая Юстиниана Тигарина, который, кстати сказать, не имел никакого отношения к его зачатию.

Однако жажда подвига не покинула романтически настроенную витину душу. Некоторые поучительные истории, почерпнутые им в букваре, пробудили в нем новые мечтания. Во-первых, ему захотелось спасти утопающего из бурлящих морских вод, а во-вторых, вытащить из горящего дома маленькую девочку. Поскольку море отстояло весьма далеко от их молдавского селения, то мечта о спасении на водах как-то растворилась и поблекла. Зато мысль о единоборстве с огнем крепла день ото дня и все сильнее овладевала витиним существом. Поначалу ему даже было все равно, кого спасать — мальчика или девочку. Он был готов вытащить сразу двоих — и мальчика и девочку, эдаких ревущих карапузов, наигравшихся со свечками и в слезах и дыму пожинаящих плоды собственной любознательности и родительской безответственности. Однако, поразмышляв некоторое время, он решил, что двоих сразу вытянуть будет ему не под силу, а если вытащить сначала одного, а потом побежать за другим, то, не ровен час, балки обрушатся и погребут под собой и спасителя и спасаемого. В том, что единственный нырок в огонь ему ничем серьезным не грозит, Витя был почему-то более чем уверен. Мысль о спасении из огня окончательно сконцентрировалась на девочке после того, как старшая сестра Юлечки Лузан, третьеклассница Ливия, увлекла его и Юлечку в дубовый лесок и, раздевшись сама и заставив раздеться сестренку и Витю, обучила юное поколение нехитрой игре в уклады. Витя тогда по младости лет не понял великого смысла этой игры, как, вероятно, не понимала оно и их наставница. Естественно, ничего серьезного наш герой в то время произвести не мог, но чувство, осевшее в его памяти после похода в лесок, было неизгладимо приятным. Он не делал попыток повторить пережитое, да и Юлию с Ливией, по-види-

мому, больше интересовали игры в штандр и классы. Но как некий скупец прячет самое ценное в потаенный сундучок в подвале, так и Витя запер открывшееся ему, ни с чем не сравнимое по остроте и роскоши оттенков чувство в самые сокровенные тайники своего сердца. Он готов был делить это чувство только с идеалом, а идеал для него все яснее и отчетливее стал вырисовываться в виде девочки, спасенной им из огня. Вот он выходит с ней на руках из объятого ревущим пламенем здания; она такая маленькая, испуганная, хорошенькая, с голубыми глазами и алым бантом в темно-каштановых волосах. Она прижимается к его груди и обвивает ручонками его слегка опаленную шею. Ее родители, плача, кидаются им навстречу, тут же стоит и хлопает носом его мама. Потом Вите вручают медаль «За отвагу на пожаре». Родители спасенной девочки становятся лучшими друзьями витиних родителей, они часто ходят друг к другу в гости. Синеглазая девочка забирается к Вите на колени и играет его медалью, а он гладит ее каштановые волосы. Их родители пьют чай, говорят о разной ерунде и время от времени бросают влажные любовные взгляды в их сторону. Через некоторое время девочка подрастает, Витя на ней женится и играет с ней в уклады, играет, играет до изнеможения...

Его воображение, распаленное картинками, не находившими отклика в действительности, пробудило в нем художнические таланты. Как Пушкин, уносясь мысленно к брегам Невы или Темзы, рисовал на полях своих рукописей головки и перси нежных дев, так и Витя, уносясь в Авалон своей мечты, рисовал на полях тетрадок по арифметике и русскому гольмальчиков и девочек, играющих в уклады. Практикант из Кишиневского пединститута, занимавшийся с их 1-м «Б» в последней четверти, делал вид, что ничего не замечает, но всегда заговорщицки подмигивал, возвращая Вите тетради. Витины же родители никогда не проверяли уроки у своего сына, довольствуясь созерцанием пятерок в его дневнике. Первые летние каникулы прошли для Вити в безрезультатных брожениях по селению в поисках пожаров да в чтении книг о пожарных, взятых на лето в школьной библиотеке. Однако все хорошее проходит слишком быстро. Наступило 1 сентября. Витя, став второклассником, продолжал изображать гольм шалунов на полях тетрадей. Однако классная наставница Марья Ивановна отнеслась к его художествам отнюдь не так, как кишиневский практикант. Объятая гневом и ужасом, примчалась она к витинимой маме на четвертый день после начала занятий. Предъявленные маме *delicti corpus*ы привели ее в состояние дикой ярости, чему немало способствовала и серия оплеух, которой с утра удостоил маму витин папа. Как две разъяренные фурии кинулись мама и Марья Ивановна избивать оцепеневшего от страха Витю. Ругаясь и вопя на всю улицу, они осыпали бедного второклассника такими ударами, какие выдержал бы не каждый взрослый. Когда же к голосам потерявших человеческий облик женщин присоединился возмущенный голос библиотекарши, обнаружившей витины художества на полях библиотечных книжек, сей юный Аппеллес мысленно попрощался с жизнью. Спас его вернувшийся с работы папа. Увидя спины визжащих и машущих руками библиотекарши и учительницы, он решил, что те избивают его жену. Схватив увесистый дубовый дрюк, он несколько раз крепко огрел озверевших работниц народного образования, а заодно и жену, которую спяну люто ненавидел и не упускал случая дать ей раз. Эта суровая мера незамедлительно произвела охлаждающее действие на неумных ревнителей нравственности. Избиение, прозившее вылиться в смертоубийство, окончилось. На утопанной земле перед летней кухней, в луже крови, стекавшей из носа по щекам, лежал